

НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ГЛОБАЛЬНОЕ И ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

ДМИТРИЙ СТРЕЛЬЦОВ

Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия

Резюме

В статье проводится краткий терминологический анализ понятия «холодная война», выявляются его сущностные характеристики и ставится цель прояснить, насколько этот термин применим к ситуации 2024 г. в мире в целом и в Восточной Азии в частности. Автор констатирует, что ключевым условием «холодной войны» является доминирование в международных отношениях двух устоявшихся центров силы, которые являются в основном конкурентами, а не партнёрами. Её признаками также служит паритет сил между двумя антагонистическими блоками, проявление биполярности на всех уровнях — от региональных до глобального, а также идеологическая борьба между полюсами. Имеются основания для определённой аналогии современной ситуации в мире с послевоенным периодом, в частности наличие двух экономических и военных сверхдержав в лице США и Китая, находящихся в конфронтационных отношениях, а также сосуществование двух групп противостоящих друг другу государств, консолидированных по признаку безусловного принятия или неприятия политического лидерства Вашингтона — страны Запада и анти-Запада. Вместе с тем налицо и принципиальные отличия: отсутствие демаркации по блоковому признаку, деидеологизация конфронтационности, качественно новые формы и методы конкуренции, включая сетевые и информационные, равно как и наличие глубокого исторического контекста в противостоянии двух полюсов, подобного которому не наблюдалось в период «холодной войны». Автор приходит к выводу, что базовые критерии «холодной войны» применимы к современной ситуации далеко не в полной мере, поскольку отношения Вашингтона и Пекина пока находятся лишь на одной из стадий стратегического соперничества. Вместе с тем понятие «новая холодная война» даёт действенный инструментальный для плодотворного исследования международно-политических процессов в мире.

Ключевые слова:

новая холодная война; Китай; США; Восточная Азия; «глобальный Юг»; стратегическая конкуренция; стратегия сдерживания; расстыковка; снижение рисков

В последние несколько лет внимание привлекает глобальное и региональное соперничество США и Китая, получившее развитие с начала 2000-х годов в связи с экономическим и военным подъёмом Китая и приобретшее к 2024 г. довольно

острые формы. В некоторых работах оно получило обозначение «новой холодной войны» [Батюк 2020, Li 2020]. В настоящей статье автор ставит целью провести краткий терминологический анализ понятия «холодная война», выявить его сущностные

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.02.2024

Дата принятия к публикации: 28.08.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: dmstrl@gmail.com

характеристики и попробовать прояснить, насколько оно применимо к нынешней ситуации в мире в целом и в Восточной Азии в частности. Анализ восточноазиатского региона предлагается не только в связи с нахождением в нём одного из полюсов, составляющих структурную основу соперничества двух сверхдержав. В нём соперничество Вашингтона и Пекина разворачивается в наиболее зримых и очевидных формах. Следует учитывать, что Китай считает этот регион зоной своих национальных интересов и по этой причине занимает в конкурентной борьбе с США наиболее непримиримые позиции.

Автор исходит из следующей трактовки понятия «холодная война». Под этим он подразумевает миропорядок, в котором государства консолидируются вокруг двух сверхдержав (полюсов) и делятся на два противостоящих друг другу в военном, политическом и экономическом отношениях лагеря — именно поэтому такая система нередко именуется биполярной. Она характеризуется конфронтационными методами в отношениях между противниками, гонкой вооружений, прокси-войнами, а в некоторых случаях — реальными военными конфликтами. Речь идёт об антиподе полицентричного мирового порядка, в котором несколько крупных держав, обладающих стратегической автономией, могут неоднократно менять и перестраивать свои взаимоотношения в направлении сотрудничества или конфликтности в зависимости от ситуации.

Классическая «холодная война» началась фултонской речью Уинстона Черчилля (март 1946) и завершилась распадом СССР в декабре 1991 г. В эти четыре с половиной десятилетия она имела самые разные проявления в регионально-страновых, исторических, политических, социологических и культурных плоскостях. Можно выделить несколько её признаков.

Первый заключался в мирном сосуществовании двух противостоящих друг другу блоков государств — социалистического и капиталистического, что, собственно, и

дало основания для его характеристики как биполярного. Принцип мирного сосуществования был озвучен ещё Г. В. Чичериным в апреле 1922 г. на Генуэзской конференции, но в качестве одной из базовых опор внешнеполитической доктрины он был провозглашён уже после смерти Сталина в марте 1953 года. Идеи мирного сосуществования неоднократно озвучивались и в официальных документах партии и правительства, включая Третью Программу КПСС и решения XX съезда КПСС.

Непременным условием «холодной войны» в её классическом понимании является доминирование в международных отношениях двух устоявшихся полюсов, то есть двух сверхдержав, которые являются в основном соперниками, а не партнёрами [Li 2020: 87]. Оба центра силы (каковыми являлись США и СССР) стремятся создать под своим руководством и контролем альянсы (противостоящие друг другу блоки государств), чтобы в ходе мирной стратегической конкуренции одержать победу над противником во всех сферах — безопасности, экономики, идеологии и так далее. Например, в Европе таковыми были блок НАТО и Организация Варшавского договора. В Восточной Азии подобного блокового противостояния с открытой целью сдерживания друг друга не существовало, но действовало несколько двусторонних альянсов США с азиатскими странами — Республикой Корея, Таиландом, Филиппинами и Японией¹. Их задача в числе прочего заключалась в удержании американских союзников от развития связей с СССР и недопущении их превращения в независимых игроков [Байков, Истомин 2020: 10–14]. В более широком смысле эти альянсы были призваны продемонстрировать не только военно-политические, но и экономические выгоды от союзных отношений с Вашингтоном и создать тем самым своего рода витрину капитализма, которая бы служила естественной преградой на пути распространения коммунистической идеологии в этом важном для США регионе.

¹ Пресловутая «система оси и спиц».

Одной из особенностей «холодной войны» было также то, что противостоящие друг другу блоки не представляли собой консолидированной общности, а входившие в них страны зачастую находились в сложных и порой конфликтных отношениях с «полюсами». Например, в социалистический блок входили такие социалистические страны, как КНР, Югославия, КНДР и Албания, которые нередко вступали в прямую конфронтацию с Москвой. Аналогично в блоке НАТО выделялась Франция, которая демонстрировала своей голлистской политикой высокую степень автономии по отношению к Америке. Тем не менее «холодная война» с разной степенью интенсивности разворачивалась не только между двумя главными полюсами в лице Вашингтона и Москвы, но и между субъектами, не всегда полностью контролируемые сверхдержавами, которые были с разной степенью интенсивности вовлечены в это противостояние.

С учётом размеров и особенно численности населения Китай можно было выделить в качестве отдельного полюса, противостоявшего как Соединённым Штатам, так и Советскому Союзу. Пекин поддерживал национально-освободительную борьбу против остающихся на политической карте колониальных режимов и одновременно боролся с теми освободившимися странами афро-азиатского мира, которые были наиболее тесно связаны с Западом. Некоторые исследователи высказывают мнение, что в период «холодной войны» сформировался стратегический треугольник США — СССР — Китай, три стороны которого представляли собой автономные величины, вступавшие в разные комбинации соперничества и сотрудничества [Худайкулова 2020: 59]. Тем не менее Пекин был неспособен предоставлять масштабную экономическую помощь или передовую военную технику, а предпринимавшиеся им в 1960-х — 1970-х годах усилия по созданию в развивающемся мире третью силу между-

народной политики, противостоящую обеим сверхдержавам, в целом провалились². По этой причине, а также в силу формальной приверженности коммунистической идеологии и особенностей политической системы, в которой доминировала Коммунистическая партия, КНР обычно всё же не выделяли в качестве «третьего полюса» и чаще всего относили к единому с Советским Союзом социалистическому блоку.

Второй признак — наличие если не полного равенства, то примерного паритета между двумя антагонистическими центрами прежде всего в военно-стратегической, экономической, технологической сферах. Конкурентные отношения проявляли себя в блоковом строительстве и дипломатической стратегии на основе блокового мышления, в гонке вооружений и принятии логики взаимного военного (ядерного) сдерживания как основы гарантий безопасности каждой из сторон. Этот паритет был основан на взаимно гарантированном уничтожении в случае масштабного вооружённого конфликта. Во многом «холодная война» 1945–1991 годов осталась таковой именно благодаря ядерному оружию. Как итог, между двумя сверхдержавами не могло произойти прямого военного столкновения, а вооружённые конфликты принимали форму опосредованных войн, которые вели между собой страны, зависящие от покровительства Москвы или Вашингтона.

Третий признак — тотальный характер биполярности. В её орбиту был вовлечён практически весь мир. Помимо стран, напрямую связанных с двумя сверхдержавами союзническими или иерархическими отношениями, существовало множество неприсоединившихся государств и теоретически сохранялась возможность выбора «третьего пути», что проявилось, в частности, в Движении неприсоединения, получившего развитие с Бандунгской конференции 1955 года. Вместе с тем в реальности даже неприсоединившиеся государства

² Xia Yafeng. The Cold War and Chinese Foreign Policy // E-international relations. 16.07.2008. URL: <https://www.e-ir.info/2008/07/16/the-cold-war-and-china/> (accessed: 10.02.2024). P. 2.

имели ограниченное пространство для своего политического и экономического выбора и в подавляющем большинстве разделялись на страны капиталистической и социалистической ориентации.

Тотальный характер биполярности проявлялся не только на глобальном, но и на региональном уровне. Она способствовала развитию в рамках каждого из блоков многослойных горизонтальных связей³, которые зачастую позволяли проявлять инициативу средним и малым государствам [Romero 2014: 698–699]. Более того, картина «холодной войны» не может быть исчерпывающей без понимания роли в ней периферии, связанной с усилиями малых стран покончить с империализмом великих держав [Smith 2000: 589].

Четвёртый признак — идеологическое наполнение биполярности, которое проявлялось в доктринальном и мировоззренческом измерениях. Коммунистическая (марксистско-ленинская) и капиталистическая (либеральная) идеологии в своей основе были антагонистичными друг другу. Борьба между ними носила непримиримый характер и отрицала возможность компромиссов. Идеологическая ангажированность предполагала массовую идейно-политическую мобилизацию в странах, напрямую вовлечённых в биполярную систему, через создание экзистенциального «образа врага». С этих позиций окончание «холодной войны» было ознаменовано отходом от использования идеологического критерия при анализе международной ситуации, хотя многие характеристики современной международно-политической ситуации часто формулируются в числе прочего и в идеологических терминах.

Разумеется, при помощи указанных выше штрихов к портрету «холодной войны» можно лишь фрагментарно описать это явление. Тем не менее даже если исходить из указанных признаков, закономерно возникает вопрос: в какой степени эти характеристики применимы к современ-

ной ситуации в мире в целом и к Восточной Азии в частности? Можно ли в отношении неё использовать термин «холодная война» с учётом обострившейся в 2022–2023 годах конфронтации между США и другими странами Запада, с одной стороны, и Китаем, Россией и иными странами условного анти-Запада — с другой? Каковы сходные черты и различия между классической «холодной войной» послевоенного периода и «новой холодной войной», если мы согласимся с правомерностью использования этого термина?

Сходные черты классической и новой «холодных войн»

«Холодная война» оставила обширное наследие: с одной стороны, она отражается в сохраняющихся на складах огромных арсеналах вооружений, с другой — в страхе и недоверии между государствами, которые воспроизводят её матрицу на психологическом уровне [Arbatov 1994: 101]. Как отмечал гонконгский исследователь Кеннет Тан, она «продолжает ограничивать наше мышление и поведение, загоняя нас в повторяющийся цикл разделения, бинаризма, поляризации, конкуренции, оценки по критерию “свой–чужой”, страха, конфликтов, насилия и травм» [Tan 2023: 230]. В качестве наследия «холодной войны» можно обозначить сохраняющуюся и даже усиливающуюся значимость военной силы. Она выступает в качестве фактора влияния в международных отношениях, в полной мере проявившегося в биполярную эпоху. На Западе пришло понимание, что либеральная демократия не оказалась, как предсказывал Фрэнсис Фукуяма, победоносной, а сопровождавший её западный триумфализм был ошибочным [Crump 2019]. Новое дыхание получили представители Копенгагенской школы теории международных отношений, склонные интерпретировать все угрозы через призму безопасности и предписывать военные решения для противодействия им [Buzan et al

³ В политической, военно-стратегической, экономической и даже культурно-цивилизационной сферах.

1998]. Нельзя не согласиться с российским исследователем Т. А. Шаклеиной, которая отмечала, что, хотя американские политики в течение почти тридцати лет отказывались рассуждать в категориях реализма, реальные процессы мирового развития «невозможно было объяснить и прогнозировать, опираясь только на либеральные теории и идеи» [Шаклейна 2021: 14].

Если говорить о Восточной Азии, наследие «холодной войны» проявляет себя не только в мышлении, но и в институциональной и военно-стратегической плоскости. Сохраняет актуальность «система оси и спиц» — сеть двусторонних военно-политических союзов США с Японией, Республикой Корея и иными восточноазиатскими странами, созданных в послевоенный период. В регионе осталось неразрешённым и множество международных проблем биполярного периода, включая тайваньский вопрос, корейский конфликт, территориальные споры между большинством стран Восточной Азии. Не были урегулированы и различные аспекты военной и особенно ядерной безопасности.

Вместе с тем речь идёт не только о сохраняющихся в политике и на ментальном уровне рудиментах «холодной войны». Если говорить о сходстве парадигм классической и новой «холодных войн»⁴, в глаза бросаются те сформировавшиеся уже в постбиполярный период структурные, политические, военные, идеологические и иные характеристики миропорядка, которые дают основания говорить о его феноменальном сходстве с послевоенной эпохой и даже о зарождении парадигмы новой «холодной войны».

Прежде всего, даже в условиях формирующейся полицентричности обращает на

себя внимание наличие явно выделяющихся по своему экономическому могуществу и военной мощи двух государств в лице США и Китая, находящихся в конфронтационных отношениях. На глобальном уровне именно эти две страны являются теми полюсами, которые конституируют биполярность⁵. Такая ситуация возникла в результате экономического и военного подъёма КНР в 1990-х — 2010-х годах, на протяжении которых Пекин в полной мере воспользовался выгодами глобализации и практически догнал США по совокупной экономической мощи.

В то же время некоторые исследователи стали использовать термин «новая биполярность»⁶ [Михеев, Луконин 2021], отмечая, что она формируется параллельно с полицентричностью, предполагающей развитие региональных и субрегиональных центров силы. Василий Михеев и Сергей Луконин полагают, что для «новой биполярности» будет характерно не только непосредственное столкновение китайских и американских интересов, но и борьба за доминирование в остальной части планеты и за союзничество с лидерами полицентричного мира [Михеев, Луконин 2021: 26]. С другой стороны, высказывается предположение, что мир пока не является биполярным, но в среднесрочной перспективе снова станет таковым⁷.

Дискуссионным остаётся вопрос, является ли нынешняя ситуация в мире признаком «новой биполярности», так как её классический вариант предполагает, как было указано выше, и наличие противостоящих друг другу военно-политических и экономических блоков, возглавленных двумя полюсами. Как минимум в отношении Китая этот признак не соблюдается,

⁴ Под понятием «парадигмы» (греч. «образец», «модель») в настоящей статье подразумевается широко распространённая модель мира либо пример того, как на данном этапе развития стоит подходить к решению проблем в области теории международных отношений.

⁵ См., например: Александр Дынкин: Возможна новая биполярность — США и Китай. Интерфакс, 15 декабря 2018 г. URL: <https://interfax.ru/interview/642384> (дата обращения 10.02.2024).

⁶ Дегтерёв Д. Многополярность или «новая биполярность»? // Российский совет по международным делам. 16.01.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/> (дата обращения: 18.01.2024).

⁷ Там же.

поскольку он никаких блоков не возглавляет и создавать не пытается.

Вместе с тем важно отметить появление двух групп государств, консолидированных по признаку безусловного принятия или неприятия политического лидерства США. Их можно условно называть странами Запада и анти-Запада. К первой группе относятся, помимо самих Соединённых Штатов, Британия, Канада, государства-члены Европейского Союза, Австралия и Новая Зеландия, а также основные союзники Вашингтона в Восточной Азии — Япония и Республика Корея.

Ко второй — Китай, Россия, Иран, КНДР, а также некоторые другие страны, придерживающиеся антизападной внешне-политической ориентации, например Венесуэла или Эритрея. Между тем значительная часть государств не может однозначно быть отнесена ни к Западу, ни к анти-Западу. Они не занимают по отношению к обоим лагерям открыто антагонистической позиции. Их, как правило, обозначают условным термином «глобальный Юг», имея в виду принадлежность к числу стран, имеющих исторический опыт нахождения в положении колоний или зависимых государств.

Характерно, что основными странами-участницами условного анти-Запада выступают как раз те государства, которые противостояли Западу в период «холодной войны» — Россия (преемник СССР) и Китай, а наиболее заметными лидерами «глобального Юга» являются страны, занимавшие нейтральную или близкую к ней позицию до распада биполярного мира, — Индия, Индонезия, Малайзия, Египет, Алжир и так далее. Как следствие, наблюдаются взаимосвязь и политическая преемственность современного и послевоенного миропорядков. Некоторые политологи даже считают, что эпоха «холодной войны» и нынешний период американско-китайского соперничества могут рассматриваться как отдельные этапы единого процесса

всемирно-исторического значения, в рамках которого сперва Советский Союз, а затем КНР бросили вызов возглавляемому США послевоенному миропорядку [Shindler et al 2023: 2].

Особенности «новой холодной войны»

Наряду со сходством имеются и принципиальные отличия постбиполярного миропорядка от того, что сложился в период классической «холодной войны». Речь идёт об отсутствии демаркации по блоковому признаку, деидеологизации конфронтационности во взаимодействии между полюсами, качественно новых формах и методах противостояния, а также наличии глубокого исторического контекста в конкуренции двух главных центров силы.

В первую очередь, после окончания «холодной войны» американская система союзов не только не распалась, но, наоборот, продолжила расширяться, хотя в её основе стали лежать менее обязывающие формы взаимодействия с широким кругом партнёров [Истомин 2019: 40]. Как у блока НАТО в Европе, так и у двусторонних договоров в Восточной Азии, которые с 1990-х годов считаются одним из его рудиментов, отсутствует противник в виде оформленных военных союзов. Неочевидно наличие конкретного соперника и для прочих америкоцентричных двусторонних и минилатеральных блоковых структур и военно-политических альянсов в иных частях света — главным образом в АТР и на Ближнем Востоке. Действительно, у стратегического партнёрства Москвы и Пекина отсутствуют признаки полноценного военного блока⁸ [Торкунов, Стрельцов 2023: 12; Kosamaz 2019: 138]. Военный союз КНР и КНДР, хотя и существующий ещё с начала 1960-х годов, не имеет явно обозначенного противника и преследует достаточно ограниченные цели. Что касается ОДКБ и иных многосторонних структур в области военной безопасности, созданных на постсоветском пространстве, они открыто не

⁸ *van der Togt T., Montesano F., Kozak I. From Competition to Compatibility. Striking a Eurasian balance in EU-Russia relations // Clingendael Report. 2015. P. 54.*

провозглашают в качестве своей цели противостояние западным союзам и не позиционируют отдельные входящие в них страны в качестве военного противника.

Важно, что как Китай, так и Россия вообще отвергают принцип блокового строительства во внешней политике и придерживаются принципа неделимости безопасности. Если говорить об ОДКБ, то её цель заключается, скорее, во внутривнутриполитической стабилизации их непосредственных участников, а также в предотвращении зависимости этих стран от других крупных игроков, чем в прямом противостоянии западным военно-политическим группировкам [Байков, Истомин 2020: 20]. Иными словами, страны анти-Запада практически не имеют между собой формальных договорных отношений в военной области на антизападной основе, в связи с чем блоковый принцип противостояния по модели «холодной войны» сохранился только с одной стороны.

Ещё один признак современной эпохи — произошедшая в последние три десятилетия деидеологизация конфронтационности, связанная, с одной стороны, с утратой привлекательности коммунистической идеологии в мире, с другой — с определённым снижением роли и значимости идеологии либерального мессианства во внешнеполитических стратегиях стран Запада, и прежде всего США. Хотя водораздел в политике и идеологии сохранился по линии западная демократия/ценности/рыночная экономика — авторитарность (диктатура) и неприятие западных ценностей [Шаклеина 2019: 40], речь идёт всё же не о борьбе чётко очерченных идеологических альтернатив. Скорее, имеется в виду деидеологизированное отношение к западной системе ценностей, причём необязательно со стороны анти-Запада или «глобального Юга», но даже и со стороны стран, считающих себя частью Запада. На первый план вышли не идейные, а прежде всего экономические стимулы либо те ценности и смыслы, не связанные напрямую с либеральной демократией, которые невозможно навязать искусствен-

но. Последний пункт стал особенно очевиден после явного провала попыток Запада насадить в 2000-х — 2020-х годах либеральную модель демократии в Ираке, Афганистане и некоторых других странах афроазиатского мира.

В отличие от периода классической «холодной войны», когда главными в идеологической борьбе были темы демократии и прав человека, которые в их западной трактовке не всегда встречали понимание в элитах большинства неприсоединившихся стран, теперь в центре идейного дискурса оказались общечеловеческие ценности, не вызывающие ни у кого возражений, — открытость, свобода торговли, господство закона и правопорядка и так далее. США, как правило, аргументируют свои усилия борьбой за «демократический и либеральный миропорядок, основанный на правилах», КНР — стремлением к установлению всеобщих «взаимовыигрышных» отношений по принципу *win-win* [Фитуни 2019: 8]. Поскольку эти категории не несут в себе явную идеологическую заряженность, их продвижение даёт большой простор для интерпретации в интересах политической целесообразности. В результате, например, постулируемая Западом мантра о «порядке, основанном на правилах» стала трактоваться отдельными странами в пользу собственных национальных интересов. Даже страны западного лагеря, допустим, Япония, успешно освоили эту тактику: с партнёрами из АСЕАН и с Китаем японские лидеры говорят о приверженности «азиатским ценностям», на совещаниях «группы семи» — о верности идеалам либеральной демократии, которые, строго говоря, этим ценностям противоречат [Стрельцов 2019: 46].

Размывание идеологического водораздела между Западом и анти-Западом на основе принятия или неприятия либеральных ценностей стало особенно очевидным во время президентства Дональда Трампа (2017–2021). В этот период практически невозможно было противопоставить США как страну классической либеральной демократии и Китай, который обозначил собственную идеологическую иден-

тичность как «социализм с китайскими особенностями». Внешняя приверженность определённым идеологическим установкам, будучи использованной для обоснования государственной политики, выступала в большинстве своём сугубо утилитарным политическим инструментом, призванным прикрывать фундаментальные материальные и политические интересы государств.

Существенно трансформировались как формы, так и методы противостояния. Во времена классической «холодной войны» соперничество осуществлялось на уровне альянсов и территориальных блоков государств-союзников и их клиентов по модели игры с нулевой суммой. В современных же условиях конкуренция развивается не столько в географической плоскости⁹, сколько в виде экономического соревнования за центральное место в транснациональных сетях — инфраструктурной, цифровой, производственной и финансовой. Поскольку эти сети действуют на глобальном уровне, ни у Китая, ни у США нет особых возможностей для закрепления отдельных стран в качестве клиентов, ориентирующихся только на их стандарты, и, соответственно, обеспечения их эксклюзивной лояльности. В отличие от биполярной конфронтации, когда ориентация могла поменяться в результате государственного переворота или революции, в условиях «новой холодной войны» преданность стран-клиентов является частичной и условной, так как сетевые подключения могут с относительной лёгкостью быть перенастроены в зависимости от политической или экономической конъюнктуры. Например, Вашингтон способен интегрировать ту или иную страну в производственные сети, закреплённые за её ведущими транснациональными компаниями, в то время как в свои цифровые и/или инфраструктурные сети ту же страну одновре-

менно способен внедрить и Пекин. В этих условиях сама модальность сетевой конкуренции делает бессмысленными критерии, по которым оценивалась победа в «холодной войне», например крах конкурирующей политико-экономической системы [Schindler et al. 2023: 3].

Показательной в этом контексте является конкуренция инфраструктурных проектов США и Китая в Африке, Китая и Японии в Юго-Восточной Азии. Многие страны «глобального Юга», за лояльность которых разворачивается борьба между Западом и анти-Западом, одновременно пользуются выгодными предложениями, выдвинутыми противостоящими полюсами. Если в период «холодной войны» большинство неприсоединившихся стран афро-азиатского мира было поставлено перед суровой необходимостью делать геополитический выбор, от которого зависела экономическая подпитка со стороны богатых государств одного из противостоящих блоков¹⁰, то в новых условиях в большинстве случаев подобного выбора делать не требуется, что существенно расширяет пространство для более независимой политики. Многие из них предпочитают придерживаться тактики *sitting on the fence* («сидения на заборе»)¹¹, получая выгоды от лавирования между двумя центрами силы. На примере Ганы и Замбии американские исследователи Колин Флинт и Мадлен Ваддупс приходят к выводу, что в геополитике развития ключевую роль играют усилия «максимального использования ограниченных возможностей, предоставляемых геополитическим контекстом» [Flint, Waddoups 2019: 23].

Что касается восточноазиатских стран — соседей Китая, не относящихся к категории «глобального Юга», включая союзников США и, в первую очередь, Японию и Республику Корея, то они после начала в КНР экономических реформ в 1978 г. ока-

⁹ В форме эксклюзивных политико-территориальных блоков.

¹⁰ Превращаясь тем самым в страну социалистической или капиталистической ориентации.

¹¹ Имеется в виду выжидательная позиция, предполагающая отказ от выбора в пользу одной из противоборствующих сторон.

зались перед необходимостью поиска оптимального баланса между экономическим сотрудничеством одновременно с Пекином и Вашингтоном, с одной стороны, и тесными связями в области безопасности с Соединёнными Штатами, нацеленными на предотвращение региональной гегемонии Поднебесной, — с другой [Christensen 2020: 35]. Решение этой задачи, впрочем, было облегчено существенным снижением требовательности стран-лидеров в отношении обязательств и поведения союзников, в результате чего стал возможен свободный выбор применительно к каждой отдельной ситуации [Бордачёв 2020].

Ещё одна особенность относится именно к Восточной Азии, где борьба между полюсами в условиях «новой холодной войны» разворачивается наиболее зримо. В этом регионе, в отличие от биполярной эпохи, когда антагонистические сверхдержавы СССР и США не испытывали груза исторически мотивированной враждебности и исторических обид, нынешняя конфронтационность, не имеющая выраженной идеологической заряженности, оказывается основанной не столько на идеологии, сколько на исторически мотивированном антагонизме между Китаем и Западом.

В исторической ретроспективе западные страны не только превратили Китай в полуколонию, но и активно противодействовали на разных этапах его влиянию в близлежащих регионах, в частности в Юго-Восточной Азии, которую китайская сторона традиционно считала сферой своего влияния и жизненных интересов. В КНР по-прежнему жива память о событиях 1603 г. на Филиппинах, когда испанскими колониальными властями была спровоцирована резня китайцев представителями местных этносов, что позволило испанцам

укрепить контроль над этими территориями. В 1740 г. в Голландской Ост-Индии колониальной администрацией также были инспирированы антикитайские погромы. С середины XIX века, когда Юго-Восточная Азия испытала массовую иммиграцию китайской рабочей силы, западные колониальные администрации региона стали опасаться, что китайцы могут бросить вызов их авторитету и подорвать их власть. «Китайская смута» стала предметом особой обеспокоенности после Синхайской революции 1911 года, которая вдохновила китайцев Юго-Восточной Азии финансово поддержать свергнувших династию Цин революционеров на материке. Это обстоятельство, в свою очередь, подогрело опасения западных держав в отношении намерений китайской диаспоры в регионе подорвать их колониальное правление¹².

После победы коммунистов в 1949 г. США опасались, что Пекин, действуя по стопам довоенной Японии, будет проводить экспансию в ЮВА, используя свою диаспору в этих странах в качестве «пятой колонны». Например, в 1946 г. американская разведка пришла к выводу, что 4,5 млн китайцев послужат «инструментом для расширения влияния Китая в Юго-Восточной Азии»¹³. Наибольшую тревогу в Вашингтоне вызывала деятельность компартий, которые во многих странах этого региона по своему этническому составу были в основном китайскими. В частности, в Коммунистической партии Малайи этнические китайцы составляли около 95%¹⁴. Особенно эти опасения усилились к началу 1954 года, когда во Вьетнаме победили коммунисты, разгромившие французские войска.

Отвечом Соединённых Штатов стал поиск в клиентских странах тех политических сил, которые могли бы дать отпор

¹² Wen-Qing Ngo. The deeper roots of a potential new Cold War with China // The Washington Post. 05.04.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/04/05/deeper-roots-potential-new-cold-war-with-china/> (accessed: 08.02.2024).

¹³ Chinese minorities in Southeast Asia // Central intelligence group. 02.12.1946. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A002800100004-6.pdf> (accessed: 10.02.2024).

¹⁴ Wen-Qing Ngo. The deeper roots of a potential new Cold War with China // The Washington Post. 05.04.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/04/05/deeper-roots-potential-new-cold-war-with-china/> (accessed: 08.02.2024).

китайскому влиянию. Ставка была сделана на местных националистов, которые отличались сильными антикитайскими и антикоммунистическими взглядами. С 1950-х годов Вашингтон активно поддерживал тесные отношения с националистами в таких странах, как Республика Корея, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Индонезия, Малайзия и Сингапур, предоставляя многим из них щедрую помощь, а в некоторых случаях и сотрудничая с ними в борьбе с местными «непатриотическими» силами. В свою очередь, националисты удерживали власть, используя для этого широко распространённые в этих странах антикитайские настроения. Поскольку маоистский Китай ассоциировался там с великоханьской идеологией, американцы активно использовали предубеждения и предрассудки местных титульных этносов, придав этим настроениям с помощью активных идеологических кампаний одновременно и антикоммунистическую, и антикитайскую направленность [Ngoei Wen-Qing 2021].

Антикитайский настрой в местных элитах широко использовался США в отношении Индонезии после 1965 года, когда в результате кровавого антикоммунистического переворота к власти пришел авторитарный режим генерала Сухарто. Именно Соединённые Штаты помогли военным инспирировать антикитайские погромы, которые привели к массовым репрессиям в отношении коммунистов, значительная часть которых была этническими китайцами [Ngoei Wen-Qing 2021: 252]. Антикоммунистические перевороты, чистки и репрессии широко применялись и прочими проамериканскими режимами в Восточной и Юго-Восточной Азии. К середине 1970-х годов характерной чертой проамериканских режимов там стал национализм с сильным антикитайским наполнением: Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Южный Вьетнам, Таиланд и Филиппины. Именно эти страны фактиче-

ски сформировали «дугу сдерживания» коммунистических Вьетнама и Китая. Если в 1972 г. США решили заключить сделку с КНР, считая Пекин меньшей угрозой, чем Москва, то после окончания «холодной войны», когда китайская экономика стала стремительно развиваться, бывшие страхи возродились вновь.

Обиды Китая на Запад во многом основаны на травматической памяти о колониальном прошлом, в котором последний выступал в качестве эксплуататора и поработителя. Мотив исторической обиды силён и потому, что в КНР сохранилась память о величии страны, занимавшей ключевые позиции в мировой экономике до момента, когда Китай был превращён в полуколонии западными странами. В современном Китае получил широкое распространение нарратив «столетия унижения»¹⁵, который считается чёрной страницей в многотысячелетней истории страны. Этот нарратив включает в себя особые претензии в отношении США, которые, будучи продуктом антиколониальной борьбы и национального освобождения, принимали участие в разделе и разграблении Китая. С усилением КНР эти претензии стали звучать гораздо более отчётливо, чем в период её слабости в 1950-х — 1970-х годах, когда «холодная война» ещё набирала обороты.

Таким образом, в нынешней китайско-американской конфронтации имеется длительная и прочная историческая составляющая. Взаимное недоверие, настороженность и даже враждебность создают прочную основу для длительной конфронтации. КНР испытывает ресентимент к «агрессивному Западу», который сохранил колонизаторскую сущность. США враждебно настроены к чуждому в этнопсихологическом, цивилизационном и идейно-политическом отношениях Китаю. Американско-китайское соперничество в этом смысле может быть интерпретировано не только с позиций ловушки Фукидида¹⁶, но и с точ-

¹⁵ С периода «опиумных войн» до провозглашения КНР в 1949 году.

¹⁶ Конкуренция восходящей державы с действующим гегемоном за «место под солнцем», в которой новый лидер постепенно побеждает старого.

ки зрения этнопсихологии и национально-го менталитета, а также в контексте исследований исторической памяти.

Принципы и формы «новой холодной войны»

На протяжении трёх десятилетий пост-биполярной эпохи Вашингтон преследовал цель сохранения лидирующих позиций в мире в целом и в Восточной Азии в частности. Доминирование этой страны в финансово-экономических институтах, созданных ещё в рамках Бреттон-Вудской системы, было призвано держать государства афро-азиатского мира под жёстким финансовым контролем. Тем не менее уже к концу первой декады постбиполярного периода для восточноазиатских соседей Китая очевидным стал закат глобальных институтов финансового управления. Это наблюдение особенно наглядно продемонстрировал Азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов, доказавший их малую эффективность, если не сказать полное бессилие, а также финансовый кризис 2008–2009 годов, в ходе которого в полной мере проявилась слабость крупнейших финансовых институтов Соединённых Штатов. Не способствовал авторитету США в АТР выход из Транстихоокеанского партнёрства в 2017 году: это соглашение удалось спасти только благодаря энергичным действиям Японии — ключевого американского союзника в регионе.

На этом фоне для стран АТР очевидным стало значение Китая, который проводил активную и даже напористую внешнеэкономическую политику, направленную на заполнение «вакуума силы», связанного с постепенным ослаблением американских позиций в регионе. Важнейшим шагом в этом направлении стало выдвижение Пекином в 2013 г. инициативы «Один пояс — один путь» и создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. С 2000-х годов в мире стала формироваться новая конфигурация системы международных отноше-

ний, в которой ключевое место занимает конкурентная борьба США и Китая за влияние на «глобальном Юге».

В Вашингтоне постепенно отказались от политики вовлечения Пекина, основанной на идее создания из КНР «ответственного игрока», выдвинутой в сентябре 2005 г. тогдашним заместителем государственного секретаря США Робертом Зелликом¹⁷. Победила линия на сдерживание Китая — его экономического и военного потенциала и глобального влияния. В логике этого курса Соединённые Штаты должны были ограничивать доступ восходящей державы к ресурсам и внешним рынкам, создавать коалиции против Пекина и вести с ним идеологическую войну, подобно тому, как это было в их отношениях с СССР в эпоху «холодной войны». Учитывая, что усиление Китая приведёт к снижению американского влияния в Восточной Азии, сторонники курса на сдерживание поставили цель не допустить сценария, при котором КНР займёт позицию лидера в западной части Тихого океана [Chang-Liao 2019: 254].

США стали активнейшим образом развивать новые мини- и многосторонние союзы, призванные обеспечить сдерживание КНР. Особенно выраженный характер эта стратегия приобрела при президентстве Дональда Трампа (2017–2021) и Джозефа Байдена (2021 — н/вр.). В её рамках был продолжен курс на активное развитие структур, объединяющих «демократии-единомышленники» (*like-minded democracies*) — Quad, AUKUS, «пять глаз», треугольник США—Япония—Южная Корея, Индо-Тихоокеанская экономическая структура процветания и так далее. Сеть продвигаемых Вашингтоном альянсов, партнёрств и минилатеральных группировок была направлена на дипломатическую изоляцию Китая, военное окружение и технологическое подавление его развития. В экономической области был взят курс на постепенную расстыковку экономик двух держав (*decoupling*) и прежде всего снижение зависи-

¹⁷ Robert Zoellick's Responsible Stakeholder Speech. National Committee on US — China relations. URL: <https://www.ncusr.org/fact/robert-zoellicks-responsible-stakeholder-speech/>

мости американской экономики от китайской. Была начата торговая война с КНР, введены тарифы в отношении китайского импорта и ограничения на поставку в Китай высокотехнологичной продукции и предоставление ему чувствительных технологий. В результате американо-китайские отношения приняли форму конфронтации, в которой логикой соперничества стал определяться каждый их элемент — экономический, дипломатический, военный, политический и так далее.

Одновременно были заложены концептуальные основы этой стратегии. Растущий в военном и экономическом отношениях Пекин стал рассматриваться администрацией Трампа в качестве наибольшей угрозы долгосрочным стратегическим интересам Вашингтона. В Стратегии национальной безопасности Соединённых Штатов 2017 г. Китай и Россия были названы странами, которые «бросают вызов мощи, влиянию и интересам Америки» и «пытаются подорвать безопасность и процветание США»¹⁸. Сторонники Трампа, рассматривая КНР в качестве стратегического конкурента Вашингтона, фактически признали провальную предшествующую американскую политику в отношении Пекина на протяжении последних 40 лет, направленную на его вовлечение и превращение в «ответственного игрока». В наиболее концентрированном виде эта позиция была зафиксирована в подписанном Д. Трампом 20 мая 2020 г. документе Совета национальной безопасности США «Стратегический подход Соединённых Штатов к Китайской Народной Республике»¹⁹.

Концепция «стратегической конкуренции» впервые возникла в эпоху разрядки 1970-х годов, когда были заключены соглашения о разоружении и заложены основы

под развитие сотрудничества с Советским Союзом [Winkler 2023: 334]. Администрация Джорджа Буша-мл. стала использовать идею «стратегической конкуренции» применительно к Китаю в качестве политического инструмента, позволяющего отмежеваться от политики благосклонной Пекину администрации Клинтона и обеспечить лидирующие позиции США как единственной сверхдержавы в мире. С 2017 г. администрации Д. Трампа и Дж. Байдена начали продвигать эту концепцию как главную цель американской внешней политики. Вместе с тем отсутствие конкретики в обозначении средств, задач и ограничений на пути её реализации, по мнению Стефани Уинклер, подстёгивает спираль ещё большей напряжённости в отношениях двух стран [Winkler 2023: 335].

Несмотря на смену в 2021 г. администрации в Белом доме, политика сдерживания КНР была продолжена. Стратегический сдвиг в приоритетах в пользу отказа от политики вовлечения и проведения курса на сдерживание Пекина обозначил в одном из своих публичных выступлений советник президента по национальной безопасности в администрации Байдена Джейкоб Салливан. В то же время он подчеркнул, что у Вашингтона есть выбор не вступать в «холодную войну» с Китаем и двигаться вперёд в условиях жёсткой конкуренции с ним. Признавая, что у Пекина иные, чем у Вашингтона, интересы и система ценностей, американский чиновник отметил, что США в рамках этой политики смогут «сотрудничать с Китаем по определённым вопросам»²⁰.

Даже исходя из неизбежности жёсткой конкуренции с КНР, администрация Байдена, следуя этому подходу, заявила о желании не допустить прямой конфрон-

¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 08.02.2024). P. 2.

¹⁹ United States Strategic Approach to The People's Republic of China. May 20, 2020. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.24v1.pdf> (accessed: 08.02.2024). 16 p.

²⁰ 2021 Lowy Lecture Jake Sullivan // Lowy Institute. 11.09.2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/2021-lowy-lecture-jake-sullivan> (accessed: 08.02.2024).

тации с восточноазиатской державой и установить барьеры, ограничивающие соперничество²¹. США стали воздерживаться от использования термина «холодная война», подразумевая, что таковой будет означать отказ от любого доверия и переход к прямой конфронтации в военно-политической сфере. Основная причина, стоящая за подобной риторикой, заключается в осознании усилившейся зависимости американской экономики от глобальной, а также в понимании роли Китая в ней. Таким образом, полное отделение от КНР было бы одновременно нереализуемым и экономически вредным шагом для США²².

Ответная стратегия Пекина вряд ли может быть названа симметричной. Китай, в отличие от США, не создавал по всему миру сеть военных баз, военные и военно-политические альянсы, не занимался навязчивым миссионерством, проповедуя свои ценности. КНР по-прежнему придерживается принципа многосторонности, нераспространения ядерного оружия, уделяет особое внимание экономическому развитию и избегает открытого применения военной силы [Foot 2020: 163]. Как отмечал российский политолог Андрей Кортунов, «мир может быть в каком-то смысле биполярным с точки зрения потенциала двух держав, которые превосходят потенциал многих других стран. Но с точки зрения структуры, организации мира Китай, мне кажется, такую биполярность считает для себя нежелательной». По его мнению, отказ от курса на выстраивание

отношений с Вашингтоном на основе парадигмы биполярности имеет понятные основания. Позиционируя себя в качестве «второго полюса в биполярной системе», Пекин может спровоцировать в мире анти-китайские настроения и создать себе ненужных врагов²³.

Одновременно КНР публично заверила США в своём нежелании двигаться в направлении дальнейшей конфронтации и стремлении соблюдать некоторые правила. Ещё в 2017 г. Си Цзиньпин заявлял: «Мы не импортируем иностранные модели и не экспортируем китайскую модель; не можем мы и требовать от других стран воспроизвести китайский путь развития»²⁴ [цит. по: Christiansen 2020:12]. В ходе онлайн-встречи с председателем Си в ноябре 2021 г. Байден обозначил «пять отказов». США «не стремятся к новой “холодной войне”, не стремятся изменить китайскую систему, не поддерживают независимость Тайваня, не стремятся к конфликту с Китаем и не направляют деятельность своих альянсов против Китая» [Gupta 2023]. В ответ на это заявление китайский лидер, встречаясь с американским президентом годом позже, ответил «трем нет». Пекин «не стремится изменить существующий международный порядок или вмешиваться во внутренние дела Соединённых Штатов и не намерен бросать вызов Соединённым Штатам или вытеснять их»²⁵.

Эти принципы обеспечили устойчивую основу для связей двух стран, ориентированных на будущее. На смену постепенной

²¹ Remarks by President Biden Before the 78th Session of the United Nations General Assembly | New York, NY // The White House. September 19, 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/09/19/remarks-by-president-biden-before-the-78th-session-of-the-united-nations-general-assembly-new-york-ny/>

²² Suzuki H. U.S.-China Strategic Competition and Japan's Role in 2023 // Center for Strategic & International Studies. 21.02.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-china-strategic-competition-and-japans-role-2023> (accessed: 10.02.2024).

²³ Кортунов А. Президент США не может отказаться от линии на противодействие Пекину // Российский совет по международным делам. 23.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/prezident-ssha-ne-mozhet-otkazatsya-ot-linii-na-protivodeystvie-pekinu/> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁴ Кит. 我们不“输入”外国模式，也不“输出”中国模式，不会要求别国“复制”中国的

²⁵ Xi, Biden hold candid, in-depth exchange of views on bilateral ties, major global issues // Xinhua. 14.11.2022. URL: <https://english.news.cn/20221114/5a727813c0484a46be8b3be77863bd4e/c.html> (accessed: 08.02.2024).

расстыковке (*decoupling*) ключевым словом для атмосферы двусторонних отношений стал термин «снижение рисков» (*de-risking*), имеющий, как видно из названия, качественно иной смысл.

Несмотря на эти заявления, опасения относительно нового раздела мира на блоки и формирования структуры «новой холодной войны» сохранились, особенно с учётом активного сближения России с Китаем в 2022–2023 годах на фоне украинского кризиса. На Западе усилилась обеспокоенность, связанная с отсутствием договорённостей о правилах поведения в сложившихся условиях. В китайскую столицу направились лидеры некоторых европейских государств – Германии, Испании, Франции, а также руководители Европейского Союза. В ноябре 2023 г. состоялась встреча на высшем уровне председателя Си Цзиньпина и президента США Дж. Байдена в Сан-Франциско, в ходе которой стороны обсуждали вопрос о восстановлении доверия и даже договорились о воссоздании военных контактов на высоком уровне²⁶.

Главный вызов для западных стран заключается в экономических успехах КНР, достигнутых в условиях авторитарной системы, которые во многом дезавуируют основной идейный посыл Запада: процветание может быть достигнуто в условиях либеральной демократии. По мнению американских экспертов Чарльза Эделя и Дэвида Шульмана, активное продвижение КПК авторитаризма как высшей модели управления представляет собой не меньший идеологический вызов демократии, особенно в сочетании с действиями Китая, который поддерживает возрождение авторитаризма и ослабляет демократию во всём мире²⁷. В этом смысле нельзя не согласиться с Я. А. Пляйсом, что в противоборстве двух стран всё же будет присутствовать

идеологическая и особенно цивилизационная основа, обостряя это противостояние [Пляйс 2015: 22].

* * *

Является ли стратегическая конкуренция между Вашингтоном и Пекином в полной степени «холодной войной»? Выше было показано, что базовые критерии этого исторического феномена применимы к нынешней ситуации далеко не в полной мере и что между двумя явлениями имеются существенные отличия. В частности, в одной из трактовок «холодной войны» отмечается, что она представляет собой полномасштабную стратегическую конфронтацию без вооружённого конфликта между полюсами, в то время как отношения между США и Китаем можно определить лишь как находящиеся на одной из стадий стратегического соперничества [Yin 2020: 265]. Таким образом, аналогия работает здесь не в полной мере.

Тем не менее если исходить из того, что в результате динамичных политических процессов любой термин в политических науках может обрести качественно иное содержание, то использование понятия «новая холодная война» с учётом значимых исторических аналогий представляется допустимым для описания той ситуации, которая сложилась к середине 2020-х годов в мире в целом и в Восточной Азии в частности. Более того, даже при всей неполноте и терминологическом несовершенстве, связанных с большими допущениями, схематизмом, а также ограниченной применимостью альтернативного подхода к анализу международной ситуации, понятие «новая холодная война» даёт действенный инструмент для плодотворного исследования международно-политических процессов как глобального, так и регионального уровня.

²⁶ Что известно о встрече президента США Джо Байдена и председателя КНР Си Цзиньпина // Российская газета. 16.11.2024. URL: <https://rg.ru/2023/11/16/chto-izvestno-o-vstreche-prezidenta-ssha-dzho-bajdena-i-predsdatelia-kr-si-czinpinia.html> (дата обращения: 18.01.2024).

²⁷ Edel C., Shullman D.O. In the case of conflict with China, check your Cold War analogies. How China in 2021 is similar to – and different from – the Soviet Union // The Washington Post. 15.11.2021. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/11/15/case-conflict-with-china-check-your-cold-war-analogies/> (accessed: 08.02.2024).

Список литературы

- Батюк В.И. Новая холодная война // Дипломатическая служба. 2020. № 1. С. 27–34.
- Бордачёв Т. Биполярность или баланс? К чему ведёт американско-китайское противостояние // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. №4. С. 70–82.
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>
- Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>
- Кристенсен Т. Новой холодной войны не будет // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. №3. С. 64–82.
- Михеев В., Луконин С. Второе столетие Коммунистической партии Китая и новая биполярность // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. №7. С. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33>
- Пляйс Я.А. Двигается ли мир к новой биполярности? // Обозреватель. 2015. № 8. С. 14–28.
- Стрельцов Д.В. Японский регионализм эпохи Синдзо Абэ через призму ценностного подхода // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №9. С. 38–49.
- Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №4. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>
- Фитуни Л.Л. На пути к новой биполярности: геозкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. №3. С. 6–29. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29>
- Худайкулова А.В. Геополитические треугольники в контексте конкуренции традиционных и восходящих центров силы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. №4. С. 53–73. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-3>
- Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка. Результаты действий США и формирование «евразийского центра» // Международные процессы. 2019. Т. 17. №4. С. 36–48. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.3
- Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка: планы США по управлению междержавной конкуренцией // Международные процессы. 2021. Т. 19. №3. С. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.66.6>
- Arbatov G. Eurasia Letter: A New Cold War? // Foreign Policy. 1994. No. 95. P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.2307/1149425>
- Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. 240 p.
- Chang-Liao Nien-chung. From Engagement to Competition? The Logic of the US China Policy Debate // Global Policy. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 250–257. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12667>
- Christensen T. No New Cold War Why US-China Strategic Competition will not be like the US-Soviet Cold War // Asian Report. 2020. 46 p.
- Crumph L. New Cold War or Unfinished Post-Cold War Settlement? // Atlantisch Perspectief. Special Edition: Thirty Years after the End of the Cold war. 2019. Vol. 43. No. 6. P. 4–6.
- Flint C., Waddoups M. South-South Cooperation or Core-Periphery Contention? Ghanaian and Zambian Perceptions of Economic Relations with China // Geopolitics. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1659781>
- Foot R. China's rise and US hegemony: renegotiating hegemonic order in East Asia? // International Politics. 2020. Vol. 57. No. 2. P. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00189-5>
- Gupta S. A new way forward for US-China relations // East Asia Forum. 02.10.2023. <https://doi.org/10.59425/eabc.1696284043>
- Kocamaz S.Ü. The Rise of New Powers in World Politics: Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization // Uluslararası İlişkiler. 2019. Vol. 16. No. 61. P. 127–141. DOI: 10.33458/uidergisi.541542
- Li Wei. Why do we need to revisit the Cold War? // China International Strategy Review. 2020. Vol. 2. P. 86–98. <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00047-7>
- Ngoyi Wen-Qing. The United States and the "Chinese Problem" of Southeast Asia // Diplomatic History. 2021. Vol. 45. No. 2. P. 240–252. <https://doi.org/10.1093/dh/dhaa084>
- Romero F. Cold War historiography at the crossroads // Cold War History. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 685–703. DOI: <https://doi.org/10.1080/14682745.2014.950249>

- Schindler S. et al. The Second Cold War: US-China Competition for Centrality in Infrastructure, Digital, Production, and Finance Networks // *Geopolitics*. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 1–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2023.2253432>
- Smith T. New bottles for new wine: A pericentric framework for the study of the Cold War // *Diplomatic History*. 2000. Vol. 24. No. 4. P. 567–591. DOI: <https://doi.org/10.1111/0145-2096.00237>
- Tan K.P. Haunted History: Exorcising the Cold War // *Asia in the Old and New Cold Wars* / ed. by K.P. Tan. Singapore: Palgrave Macmillan, 2023. P. 221–231. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-7681-0_9
- Winkler S. Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16. No. 3. P. 333–356. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>
- Yin J. The Cold War analogy's misrepresentation of the essence of US–China strategic competition // *China International Strategy Review*. 2020. Vol. 2. No. 2. P. 257–269. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00058-4>

THE NEW COLD WAR

GLOBAL AND EAST ASIAN DIMENSIONS

DMITRY STRELTSOV

Institute of China and Contemporary Asia RAS Moscow, 117218, Russia

Abstract

The article offers a terminological analysis of the concept of “Cold War,” identifying its essential characteristics and exploring its applicability to the current global situation of 2024, with a particular focus on East Asia. The author posits that the primary criteria of the cold war include the stable dominance of two competing power poles in international relations, the parity of power between the two antagonistic blocs, the total nature of bipolarity, and ideological conflict. The current situation bears certain resemblances to the Cold War era, such as the presence of two economic and military superpowers – the United States and China – engaged in confrontational relations, as well as the coexistence of two opposing groups of states defined by their unconditional acceptance or rejection of US political leadership – the West and the anti-West. However, there are also fundamental differences, including the absence of bloc-based demarcation, the de-ideologization of the confrontation, new forms and methods of competition such as networking and information struggle, as well as a deep historical background of confrontation between the two main poles, which was not present during the original Cold War. The author concludes that the basic criteria of the Cold War are not entirely applicable to the current situation since US-China relations remain at the stage of strategic rivalry. In the meantime, the concept of a “New Cold War” provides an effective tool for fruitful research on international political processes.

Keywords:

new cold war; China; USA; East Asia; Global South; strategic competition; containing strategy; de-coupling; de-risking

References

- Arbatov G. (1994). Eurasia Letter: A New Cold War? *Foreign Policy*. No. 95. P. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.2307/1149425>
- Batyuk V.I. (2020). Novaya kholodnaya vojna [New Cold War]. *Diplomatic Service*. No.1. P. 63–75.
- Bordachov T. (2020). Bipolyarnost' ili balans? K chemu vedyet amerikanokitayskoye protivostoyaniye [Bipolarity or Balance? Where is the American-Chinese Confrontation Leading]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 4. P. 70–82.

- Buzan B., Waever O., de Wilde J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner. 240 p.
- Chang-Liao Nien-chung. (2019). From Engagement to Competition? The Logic of the US China Policy Debate. *Global Policy*. Vol. 10. No. 2. P. 250–257. DOI: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12667>
- Christensen T. (2021). Novoy kholodnoy voyny ne budet [There Will Not Be a New Cold War]. *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 3. P. 64–82.
- Christensen T. (2020). No New Cold War Why US-China Strategic Competition will not be like the US-Soviet Cold War. *Asian Report*. 46 p.
- Crump L. (2019). New Cold War or Unfinished Post-Cold War Settlement? *Atlantisch Perspectief. Special Edition: Thirty Years after the End of the Cold war*. Vol. 43. No. 6. P. 4–6.
- Fituni L. (2019). Na puti k novoy bipolyarnosti: geoeconomika i geopolitika protivostoyaniya v Afrike [Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. No. 3. P. 6–29. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29>
- Flint C., Waddoups M. (2019). South-South Cooperation or Core-Periphery Contention? Ghanaian and Zambian Perceptions of Economic Relations with China. *Geopolitics*. Vol. 26. No. 3. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2019.1659781>
- Foot R. (2020). China's rise and US hegemony: renegotiating hegemonic order in East Asia? *International Politics*. Vol. 57. No. 2. P. 150–165. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00189-5>
- Gupta S. (2023). A new way forward for US-China relations. *East Asia Forum*. 02.10. <https://doi.org/10.59425/eabc.1696284043>
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh al'yansov v neravnovesnoy mirovoy sisteme [Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure]. *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'yansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voennopoliticheskogo dominirovaniya [Alliances at the Service of Hegemony: Deconstruction of the Military Domination Toolbox]. *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 8–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.02>
- Khudaykulova A.V. (2020). Geopoliticheskie treugol'niki v kontekste konkurentsii traditsionnykh i voskhodyashchikh tsentrov sily [Geopolitical Triangles in the Context of International Security]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13. No. 4. P. 53–73. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-3>
- Kocamaz S.Ü. (2019). The Rise of New Powers in World Politics: Russia, China and the Shanghai Cooperation Organization. *Uluslararası İlişkiler*. Vol. 16. No. 61. P. 127–141. DOI: 10.33458/uidergisi.541542
- Li Wei. (2020). Why do we need to revisit the Cold War? *China International Strategy Review*. Vol. 2. P. 86–98. <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00047-7>
- Mikheev V., Lukonin S. (2021). Vtoroye stoletie Kommunisticheskoy partii Kitaya i novaya bipolyarnost' [Second Century of the Communist Party of China and New Bipolarity]. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No. 7. P. 25–33. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-25-33>
- Ngoei, Wen-Qing. (2021). The United States and the "Chinese Problem" of Southeast Asia. *Diplomatic History*. Vol. 45. No. 2. P. 240–252. <https://doi.org/10.1093/dh/dhaa084>
- Plyays Ya.A. (2015). Dvizhetsya li mir k novoy bipolyarnosti? [Does the World Move to a New Bipolar System?]. *Observer*. No. 8. P. 14–28.
- Romero F. (2014). Cold War historiography at the crossroads. *Cold War History*. Vol. 14. No. 4. P. 685–703. DOI: <https://doi.org/10.1080/14682745.2014.950249>
- Schindler S. et al. (2023). The Second Cold War: US-China Competition for Centrality in Infrastructure, Digital, Production, and Finance Networks. *Geopolitics*. Vol. 29. No. 4. P. 1–48. DOI: <https://doi.org/10.1080/14650045.2023.2253432>
- Shakleina T.A. (2019). «Dilemma Ameriki» v formirovaniy sovremennogo mirovogo poryadka. Rezul'taty deystviy SShA i formirovanie «evraziyskogo tsentra» [“American Dilemma” in the Forging of a New World Order Results of the US Policies and the Rise of the “Eurasian Center”]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 4. P. 36–48. DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59.3
- Shakleina T.A. (2021). Novyy etap v formirovaniy mirovogo poryadka: plany SShA po upravleniyu mezhdzhevnoy konkurentsiey [New stage in the global order formation us plans on management of great power rivalries]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 3. P. 6–21. <https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.3.6.6>
- Smith T. (2000). New bottles for new wine: A pericentric framework for the study of the Cold War. *Diplomatic History*. Vol. 24. No. 4. P. 567–591. <https://doi.org/10.1111/0145-2096.00237>

- Streltsov D.V. (2019). Yaponskiy regionalizm epokhi Sindzo Ab'e cherez prizmu tsennostnogo podkhoda [Japanese Regionalism in the Era of Shinzo Abe through the Prism of Value Approach]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 9. P. 38–49. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-38-49>
- Tan K.P. (2023). Haunted History: Exorcising the Cold War. In: K. P. Tan (ed.) *Asia in the Old and New Cold Wars*. Singapore: Palgrave Macmillan. P. 221–231. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-19-7681-0_9
- Torkunov A.V., Streltsov D.V. (2023). Russian Policy of Turning to the East: Problems and Risks. *World Economy and International Relations*. Vol. 67. No. 4. P. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16>
- Winkler S. (2023). Strategic Competition and US–China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 16. No. 3. P. 333–356. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>
- Yin J. (2020). The Cold War analogy's misrepresentation of the essence of US–China strategic competition. *China International Strategy Review*. Vol. 2. No. 2. P. 257–269. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42533-020-00058-4>